

«СМЕЛЫЙ ВЛАСТЕЛИН» ИЛИ «СМЕЛАЯ САТИРА?»

(К ТЕКСТОЛОГИИ СТРОФЫ XVIII ГЛАВЫ ПЕРВОЙ «ЕВГЕНИЯ ОНЕГИНА»)

В «Примечаниях на предложение о множественном окопчении прилагательных имен» Ломоносов писал: «...славянский язык от великороссийского ничем столько не разнится, как окончаниями речений. Например, по-славянски единственные прилагательные мужские именительные падежи кончаются на *ый* и *ий* — *богатый, старший, синий*, а по-великороссийски кончаются на *ой* и *ей* — *богатой, старшей, синей*».¹

И сам Ломоносов, и русские грамматисты в течение почти 75 лет после его смерти строго соблюдали это разграничение, особенно важное в связи с «учешием о трех штилях». Славянские окончания прилагательных на *ый* и *ий* применялись в «высоком штиле», русские, на *ой*, — в «пизком» (*ей* почти не употреблялось); «средний штиль» представлял картину довольно пеструю: никаких твердых правил в нем не наблюдалось, но значительная часть писателей следовала указаниям Ломоносова.

Позднее, в XIX веке, под влиянием так называемого «этимологического» направления в русской грамматике стало преобладать написание *ый* вместо *ой*. Знаменитое «Русское правописание» Я. К. Грота полностью закрепило славянские, употребляя термин Ломоносова, окончания. В «Спорных вопросах русского правописания» Грот старался логически и практически обосновать эту замену: «Так этимологические начертания: *добрый, хороший, синий* легко принялись, потому что, не отступая заметно от произношения, первые очень уясняют форму, давая возможность наглядно отличать имен, падеж ед. ч. муж. рода от род. и дат. жен. По аналогии стали также писать *легкий, ветхий*, хотя тут несогласие с произношением уже заметнее». А в подстрочном примечании Грот писал: «В нынешнем произношении таких прилагательных грамотными людьми с ясным сохранением окончаний *ый, ий* мы видим одип из примеров обратного действия письма на живую речь».²

За время, протекшее с момента выхода в свет «Спорных вопросов» Грота (1873), влияние школьной орфографии на живую речь стало еще более ощутимым, и сейчас только филологически образованные люди умеют различать на слух то, что при Ломоносове и даже при Пушкине было грамматико-стилистической пормой.

Жалеть об этом не приходится: развитие языка — процесс, если не стихийный, то во всяком случае едва ли обратимый; то, что в нем совершается, и есть так называемые «законы языка».

Однако литературоведам, которые имеют дело с «литературными памятниками», написанными в эпоху, когда еще стилистически и грамматически различались славянский и русский языки, нередко приходится сталкиваться с трудностями в понимании текста. Чаще всего это происходит в тех случаях, о которых говорил Я. К. Грот, — когда графическая передача текста (форма на *ой*) и самый контекст (большей частью стихотворный) допускают двоякое толкование прилагательного: и как именительный падеж единственного числа мужского рода и как родительный падеж единственного числа женского рода. Это имеет место, когда перед нами инверсированный стих, в котором сталкиваются два существительных разного рода (женского — в род. пад. ед. ч. и мужского — в им. пад. ед. ч.), а прилагательное оканчивается на *ой*.

Например:

Я слышу странной шум музыки...

(В. П. Петров. Ода на карусель. 1766)

Глас песни возгремел победной...

(В. П. Петров. Ода на всевожденное рождение вел. кн. Константина Павловича. 1779, апрель)

¹ М. В. Ломоносов, Полное собрание сочинений, т. VII, Труды по филологии. 1739—1758 гг., Изд. АН СССР, М.—Л., 1952, стр. 83.

² Я. К. Грот. Труды. II. Филологические разыскания. СПб., 1889, стр. 683.

Не слышим ли в бою часов
Глас смерти, двери скрип подземной?

(Державин. Водопад. 1791)

Блестящей меч померкнет славы...

(Радищев. Вольность)

Разверстой медной хляби зев...

(Радищев. Ода к другу моему)

Однако не во всех приведенных примерах перед нами действительно спорные чтения: случаи, взятые из стихов Петрова, как раз не являются трудными — этот автор строго следовал «Грамматике» Ломоносова, и в орфографии Петрова неукоснительно различаются окончания *ый* в им. пад. ед. ч. мужского рода и *ой* в род. пад. ед. ч. жепского рода. Сложнее положение в прочих примерах. У Державина и Радищева не было такой строгости в соблюдении «славянской» орфографии, в их произведениях встречаются формы им. пад. ед. ч. и на *ый*, и на *ой*, и это создает иногда псуверенность в понимании текста и в переводе его на ныне действующее правописание.

К числу подобных спорных чтений относится второй стих в известной поэтической характеристике Фонвизина, данной Пушкиным в строфе XVIII главы первой «Евгения Онегина»:

Волшебный край! Там в стары годы,
Сатиры смелой властелин,
Блистал Фонвизин, друг свободы...

В новейших изданиях он печатается так:

Сатиры смелый властелин...

Просмотр всех изданий «Евгения Онегина», начиная с прижизненных и кончая самыми новейшими, показал, что до 1936 года повсюду неизменно печаталось:

Сатиры смелой властелин...³

В шеститомном издании Пушкина под ред. С. М. Бонди, Ю. Г. Оксмана, Б. В. Томашевского и Д. П. Якубовича (т. III, ГИХЛ, М., 1936, стр. 277), в большом шеститомном издании «Academia» под ред. Ю. Г. Оксмана и М. А. Цявловского (т. III, М.—Л., 1936, стр. 16), в однотомнике под ред. Б. В. Томашевского (ГИХЛ, Л., 1936, стр. 105) и во всех последующих изданиях — повсюду находим уже:

Сатиры смелый властелин...

Такой одновременный и фронтальный отход всех без исключения издателей «Евгения Онегина» от старой традиции свидетельствует о том, что вопрос этот был согласован между ними, значит, служил предметом обсуждений и был решен, очевидно, под влиянием чьей-то убедительной аргументации, а затем это первоначально индивидуальное мнение было санкционировано остальными авторитетными пушкинистами.

В печати, насколько нам известно, обоснование нового чтения опубликовано не было. На вопрос, обращенный мною к одному из членов бывшей редакции академического собрания сочинений Пушкина, Д. Д. Благому, — не помнит ли он, как произошла замена стиха «Сатиры смелой властелин» стихом «Сатиры смелый властелин», мне было сообщено следующее: на заседании редакции Б. В. Томашевский указал, что Пушкин не различал форм на *ый* и *ой* и пользовался ими на равных правах, поэтому наличие в беловом тексте поэта стиха с формой на *ый* было

³ Укажу только наиболее авторитетные издания: Евгений Онегин. Роман в стихах. Сочинение Александра Пушкина. СПб., 1825, стр. 14; Евгений Онегин. Роман в стихах. Сочинение Александра Пушкина. СПб., 1829, стр. 14; Евгений Онегин. Роман в стихах. Сочинение Александра Пушкина. СПб., 1833, стр. 11; Евгений Онегин. Роман в стихах. Сочинение Александра Пушкина. Изд. 3-е, СПб., 1837, стр. 12; Сочинения Александра Пушкина, т. I, СПб., 1838, стр. 10; Сочинения Пушкина, изд. П. В. Анненкова, т. IV, СПб., 1855, стр. 12; Евгений Онегин. Роман в стихах. А. С. Пушкина. Изд. общ. любителей российской словесности, под ред. В. Якушкина, М., 1887, стр. 8; Сочинения и письма А. С. Пушкина, под ред. П. О. Морозова, т. IV, изд. т-ва «Просвещение», СПб., 1904, стр. 37; Пушкин, под ред. С. А. Венгерова, т. III, СПб., 1909, стр. 240; А. С. Пушкин. Евгений Онегин. (Под ред. М. Л. Гофмана). ГИЗ, Пб., 1919, стр. 58; сочинения Пушкина под ред. Б. Томашевского и К. Халабаева (все издания).

принято как окончательное доказательство того, что Пушкин читал спорный стих так: «Сатиры смелый властелин».

Вполне доверяя сообщению Д. Д. Благого, я все же решил подвергнуть данный стих самостоятельной текстологической проверке.

Обращение к рукописям строфы XVIII главы первой «Евгения Онегина» дало следующие результаты.

В первоначальном автографе главы первой «Евгения Онегина» строфы XVIII, начинающейся стихом «Волшебный край! Там в прежни годы», не было вовсе.⁴ Написанная позднее, в Михайловском, в сентябре 1824 года,⁵ строфа XVIII подверглась длительной и тщательнейшей обработке. Транскрипция ее в т. VI академического издания дает первые три стиха в таком виде:

Веселый край! Там в стары годы
Сатиры смелый властелин
Блистал Ф<он> В<изин> друг свободы...⁶

Несколько позднее, между 2 и 8 октября 1824 года, Пушкин приписывает строфу XVIII, равно как и XIX, к перебеленной Л. С. Пушкиным наборной рукописи первой главы «Евгения Онегина».⁷ Здесь явственно видно «смелый».

Если текст белой рукописи строфы XVIII не вызывает никаких сомнений в том, что здесь написано «смелый», то чтение в черновике (тетрадь № 2370, л. 20 об.) очень спорно. Слова «сатиры смелый властелин» приписаны Пушкиным сбоку скорописным почерком, причем окончание слова «смелый» неясно: после *л* (высокого, похожего на латинское *h*) идет крупная точка, в которой можно признать и *о*, и первую часть *ы*, и затем короткая волнистая линия со знаком краткости над ней. Таким образом, можно читать и «смелый», и «смелой». Сопоставление находящегося чуть ниже стиха «С младой Семеновой делил» со стихом «Сатиры смелой властелин» показывает, что окончание *ой* в слове «младой» написано, совершенно так же, но более отчетливо.

Таким образом, перед нами три неоспоримых факта: 1) в черновике окончание слова «смелый» или «смелой» неясно, но скорее всего «смелой»; 2) в каллиграфически написанной белой рукописи отчетливо читается «смелый»; 3) в четырех прижизненных изданиях первой главы неизменно — «смелой».

При этом существенно следующее: первым изданием (1825), вышедшим без авторской корректуры, Пушкин остался недоволен и, выпуская в 1828 году главу шестую «Евгения Онегина», приложил в конце список опечаток, озаглавленный «Примечание»: «В продолжение издания I Части Евгения Онегина вкралось в нее несколько значительных ошибок. Важнейшие из них помещаются здесь. Поправки означены под ними *en italique* (курсивом, — П. Б.)» (стр. 46). Далее на трех страницах помещено сорок одно изменение текста к шести главам, из них четырнадцать относятся к главе первой. Исправления «смелой» на «смелый» здесь нет.

Мы знаем, какими соображениями руководствовались редакторы, введшие это чтение и своим авторитетом санкционировавшие его. Но ведь здесь перед нами явное нарушение основных требований текстологии: принимать за основу надо прижизненные издания, конечно, сверяя их с рукописями, но делая исправления по ним только при явной порче текста в печати.

Имеет ли мы подобную порчу в данном случае?

Чтение «сатиры смелой властелин» может пониматься двояко: оно позволяет эпитет «смелой» отнести и к слову «сатира» — и тогда должно рассматриваться как родительный падеж прилагательного женского рода, и к слову «властелин» — в таком случае оно представляет именительный падеж мужского рода.

Перед нами инверсированный стих. При первом понимании его прямой порядок слов должен быть таков: «Властелин смелой сатиры». При втором: «Смелый властелин сатиры».

Не приходится и говорить, что эпитет «смелый» в применении к слову «властелин» — слабый, бледный, невыразительный; ср. в «Полтаве» о Меньшикове — «Полудержавный властелин». А «властелин смелой сатиры» совсем другое дело. Самое слово «властелин» в пушкинском употреблении включало в себя полноту, неограниченность власти, своеволие в ее применении, переходящее границы законов и обычаев. Иначе обстоит со словом «властитель». Человек может быть «властителем» и не быть в то же время «властелином» (ср.: «Властитель слабый и лука-

⁴ Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР, ф. 244, оп. 1, № 892 (Евгений Онегин. Одесса, 1823).

⁵ М. А. Цявловский. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина, I. Изд. АН СССР, М., 1951, стр. 516; ср. стр. 385: май 29—сентябрь 5, строфы 1—XXII (кроме XVIII и XIX) первой главы «Евгения Онегина».

⁶ Пушкин, Полное собрание сочинений, т. VI, Изд. АН СССР, 1937, стр. 259.

⁷ Там же, стр. 547; М. А. Цявловский. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина, I, стр. 520; Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР, ф. 244, оп. 1, № 153.

вый»). Поэтому эпитет «смелый» ничего не добавляет к нашему пониманию образа «властелина», не раскрывает художественно тех сторон понятия, которые от читателя скрыты, т. е. не делает того, что требуется от эпитета.⁸ Больше того. Эпитет почти всегда предполагает возможность применения к данному, «украшаемому» слову другого эпитета, прямо противоположного ему по смыслу, антитестического. Например, если Пушкин пишет: «Властитель слабый и лукавый» — значит, принципиально может быть и «властитель мощный, благородный, прямодушный»; если у поэта встречается «властелин враждебный», то в другом месте мы у него же находим «властелина добродетельного» и могли бы найти «властелина благосклонного», «доброжелательного» (ср.: «дело доброе» — «дело злое», «глупое дитя» — «умное дитя», и т. д.). Таким образом, почти каждое слово может иметь большое число эпитетов, амплитуда которых будет доходить до 180°, т. е. эпитет тогда имеет художественный смысл, когда он мыслим со своей антитезой.

В случае «Сатиры смелый властелин» перед нами явное нарушение этого принципа: эпитет «смелый» предполагает как антитезу эпитет «робкий», «боязливый», «трусливый». Возможно ли такое сочетание: «Робкий, трусливый, боязливый, несмелый властелин сатиры?» Нет! Но «сатира смелая» противопоставляется «сатире несмелой, робкой, боязливой, трусливой». «Сатиры смелой властелин» в применении к Фонвизину означает только одно: полный, безраздельный, неограниченный властелин бесстрашной, отважной сатиры.

Изучение языка и орфографии Пушкина подтверждает мнение Б. В. Томашевского, что в вопросе о славянском и русском окончании прилагательных поэт не занимал строго соблюдаемой позиции.⁹ Вполне возможно, что при переписке строфы XVIII с черновика в копию Л. С. Пушкина он, не отдавая себе отчета в том, что «смелой» — родительный падеж женского рода, механически написал «смелый». Ведь известно: чем старательнее переписывается текст, тем большее внимание уделяется чисто внешней стороне дела, тем меньше вникает переписывающий в содержание воспроизводимого и тем больше ошибок он допускает. А строфы XVIII и XIX переписаны Пушкиным, как уже отмечено выше, с исключительной тщательностью.

Можно допустить, однако, что это не так и что в беловую рукопись Пушкин внес чтение «смелый» сознательно и что даже в черновике было «смелый» (что, повторяю, спорно). Но ведь печатные тексты все-таки более поздние «свидетели» чтения. И если мы делаем допущение, что «смелый» в чистой рукописи — сознательное чтение автора, тогда мы должны предположить, что «смелой» — исправление П. А. Плетнева, наблюдавшего за печатанием первой главы, исправление, сделанное вопреки воле Пушкина. Тогда естественно было бы ожидать, что во втором и последующих изданиях Пушкин должен был восстановить свое сознательное чтение «смелый». Однако этого, как мы видим, не было.

Законно возникает вопрос: почему? Ответ может быть только такой: либо он не обратил ни разу внимания на это исправление Плетнева (или типографии — что сомнительно), либо он заметил это исправление и авторизировал его. Первое допущение, хотя и возможно (теоретически подобно невниманию к опечаткам вполне возможно), приобретет большую обоснованность в том случае, если мы сможем на каких-либо иных примерах подтвердить наличие в практике пушкинских переизданий аналогичных невыправлений опечаток. Впрочем, если подобных случаев и не окажется, то теоретически все же можно утверждать, что здесь единичный пример такого рода. Но это не более, как ничем не подкрепленное упорство.

Второе допущение тоже требует для своего полного признания подтверждения примерами из пушкинской практики.

Однако моя задача заключается не в том, чтобы раз и навсегда решить этот вопрос, а в том, чтобы привлечь к нему внимание советского литературоведения и — больше — советских читателей. Как же надо, наконец, понимать и печатать этот стих: «Сатиры смелой властелин» или «Сатиры смелый властелин»?

⁸ Стих 161 второй части «Медного всадника» — «О мощный властелин судьбы» — на первый взгляд противоречит сказанному. Однако сохранившиеся варианты беловой рукописи (см.: Пушкин, Полное собрание сочинений, т. V, Изд. АН СССР, 1948, стр. 494) раскрывают историю возникновения эпитета «мощный». Здесь мы читаем: «О мощный царь, о муж судьбы!» Последние четыре слова Пушкин позднее заменил более сильным и коротким оборотом: «властелин судьбы», — а эпитет сохранил.

⁹ Е. Ф. Будде. Опыт грамматика языка А. С. Пушкина, вып. II. СПб., 1902, стр. 20—29.

